

— *А. М* ЛЯХОВ —

ХРОНИКИ БЕЗУМНОЙ ПОДСТАНЦИИ, ИЛИ ДОКТОР ДАНИЛОВ СНОВА В «СКОРОЙ»



честные
рассказы
врача

Честные рассказы врачей

Андрей Шляхов

**Хроники безумной
подстанции, или доктор
Данилов снова в «скорой»**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Шляхов А. Л.

Хроники безумной подстанции, или доктор Данилов снова
в «скорой» / А. Л. Шляхов — «Издательство АСТ»,
2018 — (Честные рассказы врачей)

ISBN 978-5-17-109564-2

На этот раз доктор Данилов выступает в роли рассказчика. Он рассказывает о себе и о своих коллегах. Все истории реальны, даже те, которые кажутся совершенно невероятными. Такова медицинская жизнь... Читателям предоставляется уникальный шанс взглянуть на изнанку медицинского бытия глазами самого известного врача современности.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-109564-2

© Шляхов А. Л., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пятьдесят оттенков красного	6
Легенда о пионере	11
Баллада о неупокоенных душах	15
Из жизни геев	19
Волшебная сила искусства	25
Психопат	30
Клиническая смерть	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Шляхов

Байки доктора Данилова

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Вы простите за всю эту канитель,
но дело, видите ли, в том, что всякий раз,
когда я пишу Вам, мне хочется наговорить
Вам чего-нибудь такого, отчего Вам
было бы и весело, и приятно и вообще
легче жилось на этой довольно-таки
дрянной земле.*

Из письма А. М. Горького А. П. Чехову

Доктор Данилов не только хороший врач и хороший человек, но еще и хороший рассказчик. Только ему все никак не выпадало случая выступить в роли рассказчика. Теперь эта вопиющая несправедливость ликвидирована. В этой книге рассказывает о себе и не только о себе сам доктор Данилов.

Все истории абсолютно и полностью реальны, а не просто «основаны на реальном материале». Только имена и фамилии действующих лиц изменены, за что доктор Данилов просит действующих лиц на него не обижаться.

Пятьдесят оттенков красного

Многообразие бытия не находит своего отражения в поводах к вызову «Скорой помощи». Болит живот, высокая температура, плохо с сердцем, задыхается, травма, отравление, кровотечение... Ну и еще кое-что. Если систематизировать по всем бюрократическим правилам, то получится десять групп состояний, представляющих угрозу жизни. Ключевые слова, если кто не в курсе, – «представляющие угрозу жизни». Именно при таких состояниях положено вызывать «Скорую помощь». И это вроде бы все знают...

«Плохо с сердцем» – самый распространенный повод. И совсем не факт, что, приехав на этот повод («приехать на повод» – это выражение из скоропомощного лексикона, а не проявление моей неграмотности), бригада не наткнется на ножевое ранение, белую горячку или, скажем, на элементарный гоп-стоп с целью отъема сильнодействующих препаратов или денег. Да-да – денег. В некоторые головы порой приходит «гениальная» мысль ограбить сотрудников «Скорой», которые на каждом вызове гребут деньги лопатами. Организация подобного грабежа сложности не представляет, поскольку скоропомощную бригаду можно вызвать в любое подходящее для преступных намерений место. Повод к вызову «мужчина 40 лет, перелом ноги», а на самом деле в подвале многоэтажки бригаду поджидают два алкаша, которым не на что опохмелиться...

Всяко бывает. Жизнь на «Скорой» тяжелая, но скучной ее назвать нельзя. Широкое употребление повода «плохо с сердцем» (или если точнее, то злоупотребление им) представляется мне довольно обоснованным и логичным. Посудите сами – почти все болезненно-травматичное, начиная с торчащего в спине ножа и заканчивая абстинентным синдромом, в той или иной мере отражается на сердце. Или оно начинает болеть, или сбивается с ритма, или норовит остановиться... Но оставим прикладную кардиологию в покое, сейчас речь не об этом.

В моей практике, на втором году выездной работы, однажды произошел такой вот случай. Приехав на повод «женщина 30, плохо с сердцем», я застал на месте, причем не в квартире, а в подъезде «нехорошего» дома, аж троих кандидатов в пациенты:

- 1) женщину тридцати лет с закрытым переломом костей левого предплечья, обширными ожогами кипятком и сотрясением головного мозга;
- 2) мужчину тридцати лет с обширными ожогами кипятком и переломом костей носа;
- 3) мужчину сорока пяти лет в состоянии алкогольного опьянения с сотрясением головного мозга и переломом нижней челюсти.

Неплохо, очень неплохо, особенно с учетом того, что работал я в ту смену один, без фельдшера. Вообще-то, по канонам, писанным золотым пером на белоснежных облаках, фельдшеров в одной бригаде может быть даже не один, а целых два, но то каноны, а то жизнь. Фельдшер тоже человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Он может заболеть, уйти в запой, внезапно уволиться и даже (не про нас с вами будь сказано) скоропостижно скончаться, иногда даже прямо во время работы на линии. Вот и приходится врачу временами работать в одиночку. Врач тоже человек, и с ним тоже всякое может случиться. Тогда в одиночку будет отдуваться фельдшер. Но фельдшерам чуточку легче, поскольку на серьезные поводы вроде «задыхается» или «потерял сознание» принято отправлять врачебные бригады. При наличии свободных, разумеется. Если под рукой у диспетчера нет свободных врачебных бригад, то к потерявшему сознание отправят фельдшера. Ну и опять же, серьезность повода и тяжесть состояния пациента не всегда взаимосвязаны. Вызывающие нередко «утяжеляют» состояние, считая, что в таком случае бригада приедет быстрее. А иной раз при весьма серьезных проблемах со здоровьем вызывают на «головную боль».

Упомянутый мною «нехороший» дом – это не булгаковский дом на Большой Садовой. В районе обслуживания каждой подстанции есть свои «нехорошие» дома, куда вызывают часто,

чаще всего не по делу, да вдобавок на большинстве вызовов происходят скандалы. Наш «нехороший» дом был бывшим общежитием деревообрабатывающего комбината, населенным простой и бесхитростной публикой. Основным развлечением жильцов были пьянки-буянки. Пока дом считался общежитием, там имелся какой-никакой комендант, у входа дежурила вахтерша, а чрезмерно пьющих и особо буйных увольняли с работы и автоматом выселяли из общаги. Короче говоря, там было некое подобие порядка. С началом приватизации жилья общежитие превратилось в обычный дом. Коменданта и вахтерш не стало, выселять уже никого не выселяли, потому что практически невозможно выселить человека из принадлежащей ему квартиры или комнаты, разве что посадить. Подобие порядка исчезло напрочь. Если вызов в «нехороший» дом обходился без какого-либо ЧП, то это считалось большой удачей.

Вселенский закон подлости применительно к скорпомощной работе звучит так: «Чем меньше в бригаде народу, тем круче нагрузка». В те редкие светлые дни, когда со мной ездили аж два фельдшера, я ложился спать в половине двенадцатого вечера, зная, что вызовов ночью не будет, и спал обычно до семи утра сном праведных (ах, если бы знали вы, как сладок сон за деньги, да еще и с ночной надбавкой – м-м-м!). А если работаешь один, то носишься как савраска. Закон подлости из тех законов, которые не знают исключений.

Пострадавшие находились на лестничной площадке, возле лифта. Не потому, что заранее приготовились к эвакуации, а потому, что лестничные площадки в бывшей общаге были чем-то вроде клубной зоны, где жильцы могли общаться друг с другом. Многие площадки шестнадцатизэтажной башни были благоустроены – два-три старых стула, такой же столик, пепельницы из консервных банок, какое-нибудь чахлое растение на подоконнике.

Женщина лежала посреди площадки на обычном «постельном» матрасе. Молодая, симпатичная, совершенно голая, кое-как укрытая сверху ситцевым халатом. Левая рука ее была прижата к груди и поддерживалась правой рукой. Даже с учетом того, что руки находились под халатом, можно было сразу и уверенно диагностировать перелом костей левого предплечья. Практически для каждого перелома есть свое «любимое» положение травмированной конечности. Кожа на лице и ногах была красно-белой – белые ожоговые пузыри на красном фоне. Женщина была в сознании – то закрывала, то открывала глаза и тихо страдальчески стонала. Уже только по громкости и тональности стонов было ясно, что ей очень плохо, то есть очень больно.

Люди, которым очень плохо, не орут во весь голос. У них на это нет ни сил, ни энтузиазма. Те, кому очень плохо, тихо стонут или вовсе молчат. На этом, собственно, и основан главный принцип сортировки пострадавших при различных массовых ЧП – в первую очередь занимаемся теми, кто молчит, во вторую – теми, кто стонет, а те, кто орет, подождут, с ними в целом и общем все в порядке.

Женщину утешали трое или четверо подруг, стоявших вокруг нее на коленях. Подруги то и дело стреляли глазами влево и вправо. Влево они смотрели сочувственно, а вправо – негодуя и с презрением.

Слева в углу сидел на корточках парень лет тридцати с залитым кровью лицом и тянул из бутылки пиво. В отличие от женщины он был относительно одет, на нем были семейные трусы с алыми лампасами. «Генеральские», – машинально подумал я. Торс парня тоже был покрыт ожоговыми пузырями. Рядом с парнем сидел приятель, одетый в спортивный костюм. Приятель тоже пил пиво и что-то негромко бубнил в успокаивающей тональности. Слов не разобрать, но ясно было, что смысл сводится к «все хорошо, не нервничай».

Справа на подоконнике сидел мужик среднего возраста, относящийся к категории «ханыга» – плешивый, небритый, грязноватый, красноносый, опухший. Обеими руками он придерживал нижнюю челюсть – еще один перелом. На меня он посмотрел радостно и с облегчением, как на своего спасителя.

В первую очередь я занялся женщиной. Не потому, что вызов был сделан к ней и не из галантности, а потому, что она выглядела наиболее тяжелой. Сняв халат, которым она была укрыта, я увидел, что у ней спереди обожжено практически все тело. Но, к счастью, дальше второй степени, то есть дальше пузырей, дело не пошло. Без расспросов было ясно, что она обожглась кипятком. На пострадавшей левой руке болтались наручники, свободное кольцо которых было сломано.

– Это у нее от горячей воды так, а еще закрытый перелом левой руки и сотрясение головного мозга! – доложила мне одна из подруг. – Сознание потеряла, когда ее муж ударил, – кивок влево, – но ненадолго.

– Не надо про это, Тань! – простонала пострадавшая.

– Почему не надо?! – возмутилась Таня. – Я же по делу говорю! Но муж, конечно, не виноват, это все этот... – последовал кивок в сторону сидевшего на подоконнике ханыги. – А вообще, доктор, все это дело житейское, в милицию сообщать не надо...

– Я этим не занимаюсь, – уклончиво ответил я, имея в виду, что обо всем противоправном в милицию сообщит врач приемного отделения стационара, ему положено это делать. – А вы, как я погляжу, медсестра?

– Да! – гордо кивнула Таня. – В здравпункте на комбинате работаю.

– Замечательно! – похвалил я. – Тогда будете мне помогать. Для начала сходите, пожалуйста, к машине и скажите водителю, чтобы принес носилки, шины и стерильную простыню...

Пока Таня ходила за водителем, я успел сделать обезболивающий укол женщине, осмотреть ханыгу и наложить ему фиксирующую повязку на сломанную челюсть. Обезболивать его я не стал, поскольку он был сильно пьян. С одной стороны, боли практически не ощущал, только неудобство, а с другой – на фоне выраженного алкогольного опьянения обезболивающие препараты могут действовать не совсем так, как им положено. Здесь же к алкогольному опьянению добавлялось еще и сотрясение головного мозга. Жаловаться ханыга не мог, он только мычал, но уж если удар был таким, что сломал довольно крепкую нижнечелюстную кость, то сотрясение мозга, хотя бы в легкой степени, непременно имело место. Тут уж, как говорится, к гадалке можно не ходить.

Явившийся водитель – мастер на все руки, при помощи своего складного ножичка в несколько секунд снял с запястья женщины наручники. Я наложил шину на левую руку женщины и занялся парнем, который пострадал меньше всех. Перелом костей носа, ожоги, но в целом он держался бодро, пьян был не сильно (по меркам «нехорошего» дома – так практически трезв) и жаловался только на то, что не может дышать носом. Еще бы! Кровотечение к тому моменту прекратилось, так что вся моя задача свелась к осмотру.

По-хорошему (и по инструкции тоже) мне следовало бы вызывать «на себя» две другие бригады, а не превращать свой бригаденваген¹ в подобие маршрутки, но свободных бригад на подстанции не имелось – январь, эпидемия, лихолетье, все пострадавшие были стабильными, а ехать до больницы совсем недолго – каких-то семь минут с мигалкой по ночной Москве. Дама, как и положено дамам, поехала лежа, со всеми удобствами, а мужчины – сидя. Ничего, нормально доехали. В приемном отделении, правда, немного удивились тому, что одна бригада привезла сразу троих, причем не с улицы после какой-нибудь аварии, а из дома, но дело не в этом...

Дело в том, что меня из чистого любопытства, а не ради сообщения в милицию интересовали обстоятельства случившегося. Мозг врачей так устроен, чтобы непременно докапываться до самой сути. Если убрать ожоги, то пазл складывался довольно просто – парень застучал свою неверную жену в объятьях ханыги и устроил скандал с мордобоем. Невзрачность ханыги значения не имела. Может, парень – импотент, а невзрачный ханыга – гибрид Казановы с Дон

¹ Жаргонное название машины «Скорой помощи» (в переводе с немецкого – «бригадная машина»).

Жуаном. Всякое в жизни бывает. И наручники как элемент ролевой игры особого удивления не вызывали. У многих, знаете ли, чувство несвободы усиливает ощущения. А возможно, что и ревнивый муж приковывал ветреную жену к батарее, чтобы она в его отсутствие не могла бы никуда отлучиться, но герой-любовник или пришел сам, или нашел возможность освободить любимую... Короче говоря, многое можно объяснить, но только не эти чертовы ожоги кипятком. У двоих есть, а у третьего нет, хотя если он любовник, то ему вроде как положено их иметь...

– Что мы имеем, Ватсон? – сказал бы гениальный Шерлок Холмс, окажись он на моем месте. – Мы имеем довольно нестандартный набор травм, обнаженную и обожженную леди на лестничной площадке, покоренные наручники на сломанной руке леди и пар, много пара...

Да, прошу прощения, я забыл сказать, что на площадке довольно сильно «парило». Не так, конечно, как в бане, но близко к тому. В рабочей суете я не придавал значения этому обстоятельству, не учел его. Решил, что тут так сильно натоплено и еще сильно надыхали. Когда ты один на троих пациентов, как-то некогда задумываться над влажностью воздуха. Не до нее.

В стационар мы ехали недолго, считанные минуты, но этого времени мне хватило для того, чтобы разговорить парня и выяснить все обстоятельства случившегося. Почему именно парня? Да, собственно, никого другого я и разговорить не мог, потому что дама, получив положенное ей обезболивание, задремала, а из ханыги со сломанной челюстью собеседник был никудышный. При помощи мычания можно общаться лишь в том случае, если оба собеседника знакомы с азбукой Морзе. Я же из нее знаю только «три точки – три тире – три точки» – международный сигнал бедствия SOS, так что вариантов общения с ханыгой у меня не было.

– Мы с женой играли, – разоткровенничался парень (врачи вообще располагают к душевному общению, к тому же после потрясений некоторых людей конкретно пробивает на откровенность). – Разнообразили сексуальную жизнь. Нам такое психолог посоветовал, когда у нас после трех лет совместной жизни охлаждение друг к другу наступило. Мы разное пробовали, а в этот раз решили, что я буду похитителем, а Вера – жертвой. Ей эта роль очень нравилась. Я приковал ее руку наручниками к трубе, у нас прямо у кровати батарея, очень удобно. А когда после хотел открыть наручники, то сломал ключ. Половина застряла в замке, замок заело. Я попробовал ножовкой, но у меня ничего не получилось. Металл хороший, да и Вера все время дергалась. На нервной почве ей стало плохо, и я пошел к соседу, чтобы вызвать «Скорую» (дело было в «малосотовом» 1995 году, а стационарные телефоны в бывшей общаге были редкостью). Этот м...ла, – парень сурово посмотрел на ханыгу, – предложил перепилить наручники болгаркой. Я сдуру согласился, не посмотрел, что он пьяный. А он вместо цепи резанул по трубе, хорошо еще, что не по руке. Кипяток ударил фонтаном. Я пытался отцепить жену, а этот м...ла, вместо того чтобы мне помочь, убежал и болгарку унес. А трубу перерезал не до конца. Я уж и не помню, как отцепил жену, вот – руку ей сломал, но все же сумел. Она в панике меня по лицу ударила, нос сломала, пришлось стукнуть ее разок, чтобы не мешала спасать, короче, обоим досталось. Я вышел в подъезд сам не свой, а там этот тип стоит и ухмыляется. Ну, я от всей души и дал ему в зубы...

«При чем тут оттенки красного?» – спросите вы, дочитавшие мой рассказ до конца. Ну, во-первых, при том, что игры с наручниками вызывают определенные ассоциации. А во-вторых, оттенков красного в подъезде было предостаточно – кровь на лице, кровь на руке, кровь на полу, ожоги разной степени выраженности, багровое лицо соседки снизу... Нескучная, в общем, выдалась ночь, и вся в красных тонах.

Мораль (да, у этой истории есть мораль) такова: прежде, чем приступать к ролевым играм, обзаведитесь гидравлическим арматурорезом или гидравлическими же кусачками. Про кусачки не я придумал, про них водитель сказал. Надо же учитывать, что замок может сломаться.

«Ibi victoria, ubi instruendum», – говорили древние римляне – там победа, где оснащение соответствующее.

Берегите себя! Думайте о последствиях!

Легенда о пионере

Фельдшеру Ларе нравился водитель Витя Кузьмин. И доктору Оле он тоже нравился. Неизвестно, до каких потрясений на одной отдельно взятой подстанции могло бы дойти соперничество двух женщин, если бы Лара и Оля не были бы близкими подругами. Более того они работали вместе, на одной линейной бригаде, а это уже больше, чем просто дружба, это нечто вроде фронтового братства, или, если точнее, сестринства. А еще обе они жили в одном офицерском общежитии, и у обеих мужья так крепко дружили с зеленым змием, что на жен у них ни времени, ни сил не оставалось. Не оставалось напрасно и совершенно незаслуженно, поскольку что Лара, что Оля были красавицами. Лара в кустодиевском стиле, этакая Златовласка в теле, но без чрезмерно-неэстетичных излишеств, а Оля походила на актрису Одри Хепберн, вроде бы по отдельности и ничего особенного, но в комплексе все смотрится очень даже неплохо.

Водителя Витю Кузьмина на подстанции прозвали Пионером. Не столько за детскую наивность, которую он умудрился сохранить до тридцатника, сколько за постоянную готовность к любовным утехам. «Клич пионера: «Всегда будь готов!» – помните? Вот и Витя всегда был готов. Его «всегда» означало именно «всегда и постоянно», а не «часто» или «нередко». Приедет бригада на вызов, доктор с фельдшером уйдут помощь оказывать, а Витя пригласит в салон проходящую мимо любительницу развлечений и отлюбит по полной программе. Или по неполной, если врач с фельдшером скоро вернутся. Или, скажем, отдыхает бригада на подстанции в перерыве между вызовами, а Витя слиняет тихонько в машину с кем-то из своих многочисленных любовниц и «дает стране угля». Весельчак доктор Туркин даже песню о Вите сложил, на английском. Точнее, не сложил, а переиначил старую песню группы «Бони Эм» о Распутине. Пел: «Ku-Ku-Ku-Kuzmin, Russia's greatest love machine...» Витя не возражал, ему нравилось, когда им восхищались.

Несчастливая Витина жена, родившая от беспутного мужа трех прелестных девочек, отчаянно старалась сохранить семью. Поначалу она даже приходила на подстанцию устраивать скандалы Витиным пассиям. Но что она могла сделать – одна против целой орды? Пассии у Вити были не только на подстанциях, но и на районе, и в приемных отделениях разных больниц, и вообще где их только не было. Витя обладал каким-то невероятным магнетизмом, женщины тянулись к нему, как пчелы к меду. Витина жена очень скоро отчаялась и смирилась. Решила вместо семьи сохранять ее видимость. Разводиться Витя не хотел, поскольку очень любил дочерей и вообще считал, что «хрен на хрен менять – только время терять». Жена утешалась тем, что муж у нее хоть и гуляющий, но зато непьющий, всю получку домой приносит исправно. На пассий своих Витя не тратил ни копейки, у него все было бескорыстно и по добром согласию.

Насчет детской наивности я не преувеличиваю. Природа щедро одарила Витю всем, кроме ума. Если бы им всерьез занялись психиатры, то поставили бы диагноз дебильности в легкой форме. Но психиатрам до Вити не было дела. Окончил восемь классов, выучился в ПТУ на водителя, отслужил в армии, работает на «Скорой помощи» – с чего бы психиатрам им заниматься? У них и без этого дел хватает.

Если бы, конечно, природа Вите и ума отвесила той же мерой, что и красоты с обаянием, то не вышло бы никакой истории.

Оля с Ларой имели в анамнезе² любовные эпизоды с Витей, но относительно редкие эпизоды их мало устраивали. Они решили улучшить это дело и вместо того, чтобы выпарапывать

² Анамнез – совокупность сведений о развитии болезни, об условиях жизни пациента, перенесенных им заболеваниях и

друг другу глаза или прибегать к столь любимому всеми медиками мышьяку, поступили умнее. Договорились любить Витю вдвоем. Одновременно. А пуркуа не? Что тут такого? Во-первых, Витины сил хватало и на обеих сразу (да его бы и на семерых хватило бы, жеребца этакого!). Во-вторых, любовь втроем Вите очень нравилась, и он практически целиком стал принадлежать Ларе с Олей. Во всяком случае, на дежурствах – уже большое дело. В-третьих, сохранилась и ничуть не пострадала крепкая женская дружба, а ведь такая дружба очень дорого стоит. И в-четвертых, в курилке (тогда на подстанциях еще были курилки) Лара с Олей признавались заслуживающим доверия личностям в том, что втроем все же гораздо интереснее, нежели вдвоем.

Почему «на дежурствах»? А где еще, скажите пожалуйста? Приводить Витю в офицерское общежитие было не с руки. Не те условия, кругом глаза и уши, контроль на входе, у некоторых жильцов табельное оружие при себе, дети дома... Совсем не вариант. Дома у Вити были жена, которую хронические измены мужа превратили в нечто среднее между фурией и Медузой горгоной, дети и теща. Кто-нибудь да всегда дома. К тому же Лара с Олей дежурили сутки через двое (на полторы ставки), а в промежутках между дежурствами подрабатывали. Лара – медсестрой в частном медицинском центре, а Оля – коммивояжером в фармацевтической фирме. Обе копили деньги на самостоятельную жизнь – развестись с мужьями-пьянчугами, съехать из общежития на съемные квартиры, обзавестись всем самым необходимым и жить – не тужить. Так что у дам оставался всего один выход – предаваться любви во время дежурств. В машине. На подстанции им не хотелось. Коллеги шуточками задолбают. Не все же такие толстокожие и бесхитростные (бесстыжие?), как Витя, который на вопрос «Где ты был?», не моргнув глазом отвечал: «Люсю (Надю, Машу, Лену...) в машине трахал».

Действовали так. Ночью Витя кидал по телефону из водительской уличный ложняк (то есть делал ложный вызов к человеку, якобы находящемуся на улице). «Алё! Скорая? На улице Прокатчиков возле восьмого дома, на углу мужчина лежит! Без сознания. На вид ему лет пятьдесят. Нет, вроде бы водкой от него не пахнет...» Классика жанра.

Все на подстанции знали, почему у 14-й бригады через две ночи на третью (в дежурство Оли, Лары и Вити) ночью всегда бывает уличный вызов, но помалкивали, потому что влюбленные вели себя честно по отношению к коллегам. Во время запарки, когда вызовы сыплются один за другим, ложняков не кидали, несли службу, как и все остальные. Ну а когда все спокойно, то почему бы людям и не расслабиться? Всю троицу на подстанции жалели – у девок мужья алкаши, у мужика жена мегера. Должна же быть у людей хоть какая-то радость в жизни... О том, почему Витина жена стала мегерой, никто на подстанции не задумывался. Как говорится, «на хрена нам нужен анамнез, если патогенез³ ясен?». Мегера, и все тут!

Дело было в благословенные доджипиэсные времена, когда члены бригады чувствовали себя в машине хозяевами, а не галерными рабами, за которыми денно и нощно бдит недремлющее хозяйское око. Витя отгонял машину в укромное местечко на берегу Москвы-реки, где примерно в течение сорока-пятидесяти минут (служебные нормативы надо блюсти, без этого никуда) троица самозабвенно предавалась любви.

Любовь затмевает разум. Троица забыла одно очень важное, пусть и негласное, скоропомощное правило: «В одном и том же месте два раза подряд не «отстаиваются». Но больно уж место было удобное: тихое, спокойное, и машину с дороги не видно. А то ведь народ как «Скорую» видит, так сразу с просьбами да вопросами лезет. Кому давление померить, кого по поводу застарелого геморроя проконсультировать... Ни минуты покоя.

т. п., получаемых при медицинском обследовании путем расспроса самого пациента и/или знающих его лиц.

³ Патогенез – механизм зарождения и развития болезни.

Но правила, особенно негласные, нужно соблюдать. Легкомысленное пренебрежение чревато серьезными последствиями. Влюбленные пренебрегли правилом и были жестоко наказаны безжалостным провидением за свое легкомыслие.

Машину, часто появляющуюся в одном и том же укромном месте, заметили наркоманы. В те благословенные, как уже было сказано – доджипизные времена (а именно – в середине 90-х) многие бригады «Скорой помощи» приторговывали наркотиками и прекурсорами⁴, причем – в изрядных количествах. Так что любая скоромощная машина представлялась наркоманам настоящей пещерой Аладдина. Ради трех ампул наркотиков, которые были у врача официально, и пяти-шести ампул димедрола, что лежали в ящике у фельдшера, они, может, и не стали бы нападать на машину толпой. Добыча – мелочь, на всех не разделишь. А вот «торговый запас» бригады – совсем другое дело. Некоторые сотрудники вели торговлю весьма широко. Их суточный запас считался не ампулами-упаковками, а целыми коробками.

И вот в одну зловещую ненастную осеннюю ночь наркоманы толпой напали на ритмично колыхающуюся и абсолютно незащищенную машину «Скорой помощи». В целом эта публика довольно безалаберна и не склонна к четким слаженным действиям. Но когда дело касалось добычи вожделенных субстанций, могла творить чудеса. Налетели скопом, разом перебили все окна, кричали устрашающе, отжали ломиком дверь салона... Ломик заранее припасли! Вот как основательно готовились, оцените.

Витя после говорил, что нападавших было десять. Лара с Олей называли гораздо большие цифры – до двадцати с гаком. Но не в конкретных цифрах было дело, а в том, что сопротивляться не было смысла. Да и все оружие – молоток, нож, гаечные ключи – хранилось у Вити под его водительским сиденьем, а застали его в салоне, когда он... Ну, впрочем, эти подробности можно опустить, поскольку для сюжета они значения не имеют. Достаточно понимать, что все члены бригады находились в салоне в чем мать родила, незащищенные в своей беспомощности. Опять же, нападавшие действовали наверняка. Вите, как самому опасному из троих, досталось ломиком по плечу и по колену, отчего он совершенно утратил способность к активным действиям. Хорошо еще, что без переломов обошлось.

Забрав то, что было у бригады официально, нападавшие потребовали неофициального, которого у бригады не было, поскольку наркотиками Оля, Лара и Витя не приторговывали. Но пойдя объясни наркоману, что его вожделенная пещера Аладдина пуста, – не поверит же. И эти не поверили. Вышвырнули незадачливую троицу в чем мать родила (в том виде, в котором застали) из машины, а саму машину угнали, чтобы разобрать ее в своем укромном месте на атомы и найти все попрытанные заначки. Вышвыривание сопровождалось нанесением побоев, нападавшие вымещали зло на ни в чем не повинных членах бригады. В результате прошло не меньше получаса, а то и час, до тех пор, пока Витя, Оля и Лара пришли в себя и обрели способность передвигаться.

Пошли к родной подстанции. А куда же им, бедолагам, еще было идти? Домой к Вите? Или же в офицерское общежитие?

Призовите на помощь все свое воображение и вообразите эту картину – осень, ночь, ливень, грязь, три голых человека крадучись пробираются к подстанции окольными путями (ну не по улице же напрямик топтать в таком виде!)... И нарываются они на милицейский патруль, который их, естественно, задерживает, не слушая сумбурных объяснений. В Москве с середины двадцатых годов прошлого века перестали раздевать догола при ограблении. Так что у милиционеров было два варианта мнения о нагой троице – или чокнутые, или обдолбанные. Вероятнее всего, второе.

Если вы думаете, что на этом проблемы и приключения закончились, то сильно ошибаетесь. По приезде в отделение выходивший из милицейской машины Витя поскользнулся (не

⁴ Прекурсор – вещество, участвующее в реакции, приводящей к образованию конечного вещества.

привык он босиком по мокрому ходить), ударился головой о бордюр и потерял сознание. Разумеется, дежурный по ОВД вызвал «Скорую». Приехала бригада с соседней подстанции (свои все были в разгоне) и увидела незабываемую картину – голого Витю, лежащего на кушетке в позе спящей Данаи, и сидящих по бокам от него Лару и Олю. Женщинам сердобольные милиционеры выдали одеяла, в которые те завернулись наподобие тог. Получилась такая картина в древнеримском стиле – две рабыни охраняют покой спящего господина... Но дело было не в Витином бессознательном покое, а в том, что эту картину увидели «чужаки». Приехали бы свои, было бы не так стыдно и оставался бы шанс как-то выкрутиться, сгладить дело. Полюбовно договориться со стражами порядка проблемы не составляло. Задержанные были не правонарушителями, а пострадавшими, да и редко ли когда «скоропомощники» выручали милиционеров? А вот соседи-медики сразу же растрезвонили о происшествии. Назавтра об этом на «Скорой» уже знали все – и те, кому положено знать, и те, кому не положено. А то можно было бы сказать, что машину остановили по дороге на вызов и так далее...

Но тем не менее все закончилось более-менее хорошо, могло бы быть и хуже... Машину нашли неподалеку от подстанции и не сильно раскуроченной. Витя неделю пробыл на больничном. Оля получила выговор за то, что, возвращаясь с вызова на подстанцию разрешила водителю остановиться по личному делу (формулировка из ее объяснительной), а Ларе ничего не было. Финансовые потери влюбленных свелись к одежде, которую наркоманы забрали с собой явно с целью продажи.

Гораздо значительнее был моральный ущерб – заведующая подстанцией, получив нагоняй от начальства, взъярилась и навечно разлучила влюбленных, расставив их по разным сменам. Вы только представьте себе эту ситуацию! Люди работают порознь сутки через двое, значит, каждые сутки кто-то один из них находится на линии. Не встретиться втроем никогда, не отвести душу...

В результате большому и светлому чувству быстро пришел конец. Оля развелась с мужем и вышла замуж за одного из фельдшеров, но не со своей подстанции, а с соседней. Лара тоже развелась и стала жить с подстанционным охранником, но без регистрации брака. Витя вскоре уволился и начал перегонять из Германии подержанные автомобили... Злые языки судачили, что после всего случившегося его любовный пыл немного поутих. То ли нападение, произошедшее в самый интересный момент, наложило свой отпечаток, то ли черепно-мозговая травма была тому виной. Или же Витя просто охладел к производственным романам...

Мне хочется думать, что у всех героев этой истории дальнейшая жизнь сложилась хорошо.

Баллада о неупокоенных душах

В кардиологическом отделении одной московской больницы одна пациентка начала слышать потусторонние голоса. За стенкой. По ночам. Голоса стонали и всхлипывали. Тихо, но как-то пугающе.

В больнице по ночам чего только ни услышишь! И то, что есть на самом деле, и то, чего нет. Такие уж это особенные места – больницы.

Поначалу пациентка не осознала, что слышит именно голоса. Решила, что в соседней палате кто-то ночью стонал и плакал. Она сказала об этом во время обхода своему лечащему врачу, а тот напомнил ей, что за стенкой не палата, а кабинет старшей медсестры отделения, в котором если кто из распекаемых подчиненных стонет или даже рыдает, то исключительно в дневное время. С семнадцати часов вечера до восьми часов утра кабинет пустует и заперт на ключ, некому там стонать.

Пациентка решила, что ей почудилось. Следующей ночью она спала крепко и никаких голосов не слышала. А на вторую ночь услышала их снова. В той же тональности – стоны вперемежку с всхлипами. И имела неосторожность сказать об этом лечащему врачу. Мол, вы мне, доктор, не верите, а стоны-всхлипы за стенкой на самом деле имеют место быть! Казалось бы, ну что тебе за дело до того, что происходит за стенкой? Радуйся, что твои дела идут хорошо, что тебя готовят к выписке и спи спокойно. Но есть такие люди, которым непременно нужно доказать свою правоту и настоять на своем.

Имеют место быть... Как бы не так! Если вы думаете, что доктор решил провести ночь в палате, чтобы лично убедиться в правоте пациентки, то сильно ошибаетесь. Во-первых, мужчине, пускай даже и врачу, ночевать в женской палате нельзя. Во-вторых, доктору было чем ночью заняться, он недавно женился. А в-третьих, зачем огород городить, когда и так все ясно. Доктор назначил пациентке консультацию психиатра, как и положено при галлюцинациях.

Больничные пациенты обожают консультироваться у специалистов разных профилей. Многие даже госпитализируются не для лечения, а ради обследования. С первого же дня начинают нудить: «Покажите меня урологу, эндокринологу, невропатологу, окулисту и т. п.». Людей можно понять. Консультации приятно разнообразят скучную больничную жизнь. Кроме того, в больнице консультироваться очень удобно, не то что в поликлинике. Не надо неделями ждать дефицитных талонов, а потом отсиживать часы в очередях. Специалисты сами приходят в палату... Сервис на высшем уровне!

Больничные пациенты обожают консультироваться у специалистов разных профилей... За одним исключением. Консультацию психиатра любой здравомыслящий, а тем более нездравомыслящий, пациент воспринимает как личное оскорбление. «Да кто вам дал право считать меня психом?! Да я вас...!!! Да вы сами все тут психи, раз нормального человека от сумасшедшего отличить не можете!» Разумеется, пациентка осталась недовольна тем, что ей в течение двух часов пришлось отвечать на дурацкие, по ее мнению, вопросы психиатра и доказывать, что она не верблюд. То есть что она на самом деле слышит голоса по ночам, причем только здесь, в этой палате и вот за этой стенкой. А дома не слышала. И когда в больничном туалете сидит, тоже ничего не слышит. И в буфете тоже не слышит. Сказано же – только в палате и исключительно по ночам.

Но чем больше горячилась пациентка, тем сильнее консультант-психиатр убеждался в ее психическом нездоровье... Неадекватное возбуждение, заикленность на своей правоте и все такое, симптоматическое.

Перевод в психиатрическую больницу психиатр не санкционировал, но рекомендовал «постоянное наблюдение», которое заключалось в том, что койку с несчастной женщиной выкатали из палаты в коридор и поставили против сестринского поста. А что еще прикажете

делать? Отдельную медсестру в палате сажать, чтобы наблюдала за шизофреничкой? Ха! А где ее взять? Тут не до жиру, народу не хватает для того, чтобы все дыры в табеле закрыть. Случается и так, что сестры поодиночке дежурят. На семьдесят коек! Рабам на галерах легче жилось, они хотя бы на одном месте сидели, а не носились взад-вперед по отделению, как наскипидаренные. Раз «постоянное наблюдение», то изволь лежать перед постом! Сама виновата, достала врачей своими голосами.

Пациентка, ясное дело, осталась недовольна. Очень. В коридоре, да еще и возле сестринского поста, не так комфортно лежать, как в палате. Хотя, и в палате тоже не сахар, не «Хилтон», конечно, и не «Марриотт», но все же какой-то уют, «свой» угол. А в коридоре лежать все равно что на тротуаре. Постоянно кто-то ходит мимо, и днем и ночью, сестры дверками шкафов громяют, то и дело звонки раздаются, сквозняк постоянно... Голосов, правда, не слышно, да разве услышишь их в этом бедламе? Да и не до голосов было бедной женщине. Сама то и дело всхлипывала и стонала, а также скандалила с врачами и медсестрами, а также жаловалась другим пациентам на то, как несправедливо с ней поступили – сочли сумасшедшей, «вышвырнули» в коридор... Родственники пациентки устраивали скандалы по возражающей – лечащему врачу, заведующей отделением, заместителю главного врача по лечебной работе, главному врачу... Но на всех уровнях их тыкали носами (в переносном, разумеется, смысле) сначала в рекомендацию психиатра, а затем – в штатное расписание отделения. Вот вам, образно говоря, еж, а вот – уж. Соедините одно с другим, то есть объясните: откуда мы вам возьмем еще одну дежурную медсестру? Родственники были готовы нанять за свой счет сиделку, раз уж такое дело, но им объяснили, что наблюдение, прописанное психиатром, может осуществляться только сотрудниками отделения, а не какими-то «левыми» сиделками, даже и с медицинским образованием. Кто ее знает, вашу сиделку? Может, она такая же невменяемая, как и ваша родственница. Может, они на пару из окна выпрыгнут полетать. Или повесятся на карнизе...

Другие пациенты несчастную женщину, разумеется, жалели. Жалели и верили ей. Пребывание в больнице вообще располагает к вере во все мистическое и необъяснимое. Впрочем, кто-то умный объяснил, что это стонут и плачут неупокоенные души тех, кого загубили местные горе-эскулапы. И не за стенкой, в медицинских кабинетах они стонут, а прямо в палатах, там, где расстались с жизнью. Просто их не видно, вот и кажется, что стоны доносятся из-за стены. Что же касается врачей, в том числе и психиатров, то они все прекрасно понимают и тоже слышат голоса, но из врачебной солидарности делают вид, будто ничего не понимают и не слышат. Круговая порука, мафия. Ворон ворону, как известно, глаз не выклюет. Бессовестные люди.

Индукцированное бредовое расстройство – это такой вид расстройства, при котором бред разделяется двумя или несколькими лицами, связанными тесными эмоциональными связями. Очень скоро стоны-всхлипы стали слышны чуть ли не во всех палатах. Многие из пациентов начали видеть какие-то неясные тени, светящиеся или черные. Разумеется, никому не хотелось лежать в компании с призраками. Какое тут может быть лечение? Одно расстройство.

Около девяноста процентов пациентов стали требовать немедленной выписки или, как вариант, немедленного перевода в другой стационар. Заведующая отделением уговаривала-объясняла, но пациенты ее не слушали, потому что не верили ей. Не дождавшись «законной» выписки, народ начал сбегать, благо дело было летом и можно было уходить «в домашнем», то есть в чем лежишь. Персонал пытался воспрепятствовать Исходу, но выходило не лучше, чем у пресловутого фараона. Главная же виновница никуда уходить не собиралась. Она лежала в коридоре и требовала восстановления статус-кво – перевода обратно в палату. Активно и настойчиво боролась за свои поправленные права. И говорила врачам: «Уйду только из своей палаты!»

Скандал из локального грозил превратиться в «международный», то есть рано или поздно кто-то из пациентов или кто-то из родственников пациентов должен был пожаловаться в департамент здравоохранения – нет, мол, условий, для нормального спокойного лечения, примите меры... Стремясь спасти положение и остановить Исход, больничная администрация приняла единственно верное в подобной ситуации решение – пригласила батюшку освятить «проклятое» отделение. Батюшка попался ответственный. Он не только совершил требу, но и обстоятельно поговорил с пациентами по душам. Успокоил всех и заверил, что никаких голов больше не будет. Батюшка говорил убедительно и проникновенно, поэтому оставшийся в отделении народ успокоился. Пациентку вернули из коридора в палату, откуда она на следующий день выписалась по собственному желанию. Уходила с пафосом, высказала в последний раз всем сопричастным все, что она о них думала, а перед тем, как выйти из отделения смачно плюнула на пол и громко воскликнула: «Ноги моей больше здесь не будет!» Никто ее, собственно, и не приглашал возвращаться – баба с возу, всем хорошо. Проходившая мимо санитарка подтерла плевок и на этом затянувшийся инцидент был исчерпан. То есть исчерпан. «Уф-ф-ф-ф-ф!» – дружно выдохнули врачи с медсестрами.

Постепенно произошедшее стало забываться, вытесняться другими событиями. В крупной больнице ведь каждый день что-то да случается и новое всегда интереснее старого хотя бы потому, что оно новое...

А вот старшая медсестра кардиологического отделения, та самая, в кабинете которой якобы стонали неуспокоенные души, никак не могла успокоиться. То ли она была завзятой материалисткой, то ли интуитивно чувствовала, что дело здесь нечисто, а скорее всего, и то, и другое вместе...

Мотивы не важны, важен результат. Проведя расследование, которому позавидовали бы Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро и майор Пронин, старшая медсестра выяснила, как все было на самом деле.

Оказалось, что у одной из постовых медсестер, молодой и красивой женщины, случился роман с одним из пациентов – относительно молодым, относительно красивым и относительно богатым гипертоником. Бурный, страстный роман с претензией на нечто серьезное, поскольку гипертоник был разведен, причем не на словах, а официально – бери, ешь и наслаждайся. Медсестра и наслаждалась, на всю катушку. Во время дежурств. Совмещала, так сказать, полезное (то есть работу) с приятным.

Кабинет старшей медсестры был выбран ею для утех по четырем причинам. Во-первых, по ночам там было спокойно. Никто не стучал в дверь и вообще не мешал влюбленным любить друг друга... Во-вторых, кабинет находился в укромном уголке, за поворотом коридора, и туда можно было проникнуть незаметно, тихой мышкой. В-третьих, там был очень удобный (и совершенно не скрипучий) новенький диван... Ну и в-четвертых, запасной ключ от кабинета старшей медсестры хранился на посту. На всякий случай. Удобно – взяла, попользовалась, положила обратно в ящик.

Вторая дежурная медсестра стойко хранила тайну своей постоянной напарницы. Даже во время массового исхода пациентов не выдала ее – партизанка. Но припертая к стенке старшей медсестрой все же не выдержала и раскололась. Уволили с треском (то есть по статье) обеих дежурных медсестер. Одну за дело, другую – за потакание и недонесение. Впрочем, официальная формулировка была бюрократически-индифферентной: «За систематическое нарушение трудовой дисциплины».

Старшая медсестра сильно нервничала во время Исхода, потому что была пенсионеркой, которую уволить – раз плюнуть. Вроде бы и не за что увольнять, ведь она потусторонними головами не заведует, но дойди скандал до департамента, крайними бы оказалось отделенческое начальство – заведующая и старшая медсестра. Кроме того, старшей медсестре было больно и обидно сознавать, что ее, заслуженного работника здравоохранения, долгое время обманывали

две профурсетки, которым она имела неосторожность доверять. Да и заведующая отделением, узнав, как было дело, укорила многозначительно: «Распустила ты, дорогуша, своих девок!» Обидно же. Поэтому всякий раз, когда из других медицинских учреждений наводили справки об уволенных медсестрах – что за причина увольнения, девушка вроде бы на первый взгляд нормальная? – старшая сестра рассказывала такое, что у собеседников кровь стыла в жилах и начинали дрожать руки. Короче говоря, с трудоустройством у обеих девушек были проблемы, и крупные. Одна, изрядно намыкавшись, устроилась на работу в противотуберкулезный диспансер, куда брали всех подряд, без разборов и уточнений, а другую (главную виновницу) взяли в приемное отделение психиатрической больницы. Тоже не сахар, отнюдь.

Чем закончился роман медсестры с пациентом, я не знаю. Но мне хочется верить, что закончился он хорошо. Должно же быть хоть что-то хорошее в этой истории...

Из жизни геев

Когда я на почте служил ямщиком, точнее говоря, разъезжал по бескрайним столичным просторам на машине с красным крестом, то наш директор региона⁵ был геем. И не скрывал этого, что для московской «Скорой» конца 90-х было... Вот не знаю, какое слово подобрать: «смело», «революционно», «прогрессивно», «необычно»... Вставьте сами то, какое вам больше нравится. Да, иные времена, иные нравы.

Директор региона был одновременно заведующим соседней подстанцией, на которой у него было два любовника – старший фельдшер и старший фельдшер по аптечному хозяйству. На крупных подстанциях «Скорой помощи», если кто не в курсе, два старших фельдшера – один организационную работу ведет и графики составляет, а другой занимается аптекой – пополняет бригадные запасы, следит за тем, чтобы на подстанции было бы все необходимое для работы и т. п. А еще у директора региона был третий любовник – выездной фельдшер нашей подстанции Вадик Донцов.

Любвеобильный начальник щедро одаривал своим вниманием всю троицу, но не поровну. В фаворитах у него всегда ходил кто-то один. То один, то другой, то третий... Все они были разными, абсолютно непохожими друг на друга). «Конан» (так, в честь Конана-варвара, сыгранного Арнольдом Шварценеггером, прозвали просто старшего фельдшера) был высоким, широкоплечим и с хорошо развитой мускулатурой. Отличие от Конана у него имелось только одно – голову он брил наголо. Характер соответствовал внешности – Конан был брутален и суров. Собственно говоря, вся головная подстанция держалась именно на нем, а не на заведующем-директоре, который любил руководить масштабно и глобально, а в рутинную текучку вникать не любил – скучно.

Старший фельдшер по аптечному хозяйству, прозванный Аптекарем, был невысок, полноват, круглолиц и носил бородку а-ля Чехов, которая шла ему примерно так же, как очки свинье. В правом ухе Аптекарь носил огромную серебряную серьгу в виде витого кольца. Любитель ночных развлечений, он пребывал в состоянии вечного недосыпа и часто в рабочее время засыпал в своем кабинетике. Любимым развлечением подстанционных шутников было прократиться в кабинетик и навесить на серьгу при помощи крючка, изготовленного из обычной канцелярской скрепки, какую-нибудь лаконичную записку издевательского содержания (ну, вы понимаете какого). Проснувшись так же внезапно, как и заснул, Аптекарь мог впопыхах не сразу заметить «подвеску» и ходить с ней по подстанции на потеху публике. Однажды он вышел с «подвеской», на которой была обозначена его сексуальная ориентация, навстречу линейному контролеру Департамента здравоохранения, в результате чего произошел скандал... Сотрудники все видели, но останавливать Аптекаря не стали. Аптекарь был подлым и вредным, обожал делать пакости как по поводу, так и без. Из всех сотрудников подстанции любил его только заведующий-директор, да и то в сугубо физиологическом смысле. Кроме физиологической пользы была от Аптекаря начальству и другая – он помогал увольнять неудобных сотрудников, искусно устраивая поводы для увольнения.

Заедет бригада на подстанцию пообедать, оставит врач кардиограф в машине или занесет на подстанцию в комнату отдыха, вернется за ним после обеда, а кардиографа нет! Пропал куда-то! За потерю кардиографа – выговор, плюс удержание его стоимости из зарплаты. На следующем дежурстве так же загадочно пропадет тонометр – второй выговор. А неделей позже

⁵ Регион (полностью – региональное объединение) состоит из нескольких близко расположенных подстанций московской «Скорой помощи»; одна из подстанций является головной, ее заведующий одновременно является директором регионального объединения. В настоящее время на Станции скорой помощи города Москвы насчитывается десять региональных объединений.

«лояльная руководству» диспетчер передаст бригаде вызов с небольшой задержкой. Микрофон у нее забарахлит, или еще что-то в этом роде случится. На выходе из здания подстанции бригаду тормознут оба старших фельдшера – комиссия. «Непорядок, по нормативам вам положено уже минуту в пути быть, а вы еще даже в машину не сели...» После смены заведующий-директор приглашает врача в свой кабинет и ставит перед простым и несложным выбором: или пиши заявление на увольнение по собственному желанию, или получай третий выговор с последующим увольнением по статье...

– Это дома вы п...р, а на работе вы старший фельдшер по «а-хэ»! – орал линейный контролер. – И поверьте – недолго еще вы в старших фельдшерах будете ходить! На линии станете ездить!

Обошлось, заведующий-директор отстоял Аптекаря. Тот даже выговора не получил. Зато выговор получила дежурившая в тот день диспетчер. Формально за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, а на самом деле за то, что не предупредила Аптекаря о появлении на подстанции линейного контроля. А интересно, как она могла бы предупредить? Объявить по громкоговорителю: «Коллеги, на подстанции линейный контроль!» Так за это ей тоже бы выговор дали.

Фельдшер Вадик был тонким, звонким и прозрачным, то есть очень худым. На подстанции шутили, что роскошная каштановая шевелюра Вадика весит больше, чем его тело. Телесная тонкость сочеталась у Вадика с тонкостью черт лица, томностью взора и невероятным пристрастием к матерщине. В любой фразе, произнесенной Вадиком в быту (то есть не на вызове и не во время пятиминутки), непременно присутствовало хотя бы одно неприличное слово. Он даже поздороваться или попрощаться не мог без мата. «Доброе на х...й утро» или «Пока, е...а мать». При всей своей субтильности Вадик был физически крепким и выносливым, имел разряд по плаванию, занимался йогой. На подстанции к Вадiku относились хорошо, потому что человек он был добрый, отзывчивый и хороший специалист. В фармакологии разбирался лучше иных врачей, а уж по части попадания в самые что ни на есть «непопадаемые» вены ему на подстанции не было равных. В любую вену на любой конечности в любых условиях Вадик попадал не глядя и с первой же попытки. Ценный кадр. От умения быстро и точно попасть иглой в вену на «Скорой» многое зависит.

Сказав столько о фельдшерах, нужно и о заведующем-директоре рассказать. Прозвище у него было образовано от имени – Боря. Да, просто Боря. В глаза, разумеется, Борис Баткович. Боря считался средним руководителем и плохим специалистом. В медицине он и впрямь рубил слабовато. Всеми «клиническими разборками», то есть оценкой качества оказанной помощи и решением спорных медицинских вопросов, на головной подстанции занимался старший врач, которому Боря всегда поддакивал. Если же вопрос нужно было решать на уровне директора регионального объединения, то Боря вначале выяснял мнение Центра, то есть главного врача станции «Скорой помощи» или его заместителей, а затем уже выносил свое решение. Разумеется, совпадавшее с мнением свыше. Подобная тактика делала положение Бори весьма устойчивым.

Кадровая политика у Бори основывалась на принципах личной лояльности и личной симпатии. Те, из подчиненных, кому Боря симпатизировал (не только в узкофизиологическом, но и в более широком смысле), могли творить все, что им вздумается, вплоть до работы навеселе и вымогательства на вызовах. «Хороших» людей Боря всегда прикрывал. Наказывал только для виду, а если кого и приходилось увольнять под давлением вышестоящего начальства, то уволенные очень скоро появлялись на другой подстанции Бориного «куста»⁶. Боря дружил с главным кадровиком московской «Скорой помощи» Сестричкиным и благодаря этому мог «утрясти» любой кадровый вопрос.

⁶ Куст – жаргонное название регионального объединения станции «Скорой помощи».

Те сотрудники, которых Боря по каким-то причинам (или без оных) не любил, на его «родной» подстанции и вообще на всем «кусте» долго не задерживались – увольнялись или переходили работать в другие региональные объединения. Выживать Боря умел и любил это дело. Любой нелояльный подчиненный рассматривался им как потенциальная угроза. В сущности, так оно и есть.

Внешность у Бори была академическо-валяжной. Неглубокие залысины увеличивали высоту и без того не низкого лба, пронизательный взгляд, очки в массивной оправе, твердый подбородок. Не красавчик, но симпатичный. И солидный до невозможности. Прочие начальники на Борином фоне выглядели мальчиками на побегушках.

Такой вот сложился любовный квадрат – Боря-шеф, Конан, Аптекарь и Вадик.

Я за свою жизнь навидался всяких-разных романов, в том числе и производственных, но такой бури страстей, как в этом «квадрате», я никогда не наблюдал.

Здесь было все: и яркие истерики, и прилюдные знаки внимания, и заламывание рук, и искусанные до крови губы... Короче говоря, вся атрибутика романтизма во всей его красе.

Помню, как Вадик яростно топтал в курилке свою сумку, по виду сильно похожую на женскую (явно директорский подарок), а после рыдал так громко, что на подстанцию завернул проезжавший мимо милицейский патруль. Сердобольная диспетчер Люся утешала Вадика – гладила по голове и приговаривала: «Не убивайся ты так, миленький. Все мужики – сволочи, привыкай, привыкай...»

Помню, как однажды к Вадиду во время дежурства прицепился Конан, который на правах старшего фельдшера головной подстанции и директорского любимчика совершал какой-то инспекционный объезд «куста». Конан полез проверять «имущество», то есть – оснащение машины, на которой в тот день работал Вадик, и нашел какие-то нарушения (странно было бы, если бы не нашел) и начал составлять акт. Вадик в диспетчерской, на глазах у нескольких свидетелей схватил недописанный акт, изобразил, будто подтирается им, а затем скомкал, швырнул в лицо Конану и закричал истерически-надрывно:

– Ты такой злой, мать-перемать, потому что тебя, такого-то сына, никто не любит и никогда не будет любить! И ты это прекрасно понимаешь, мать-мать-мать!

Конан побагровел, засверкал глазами, сжал кулаки... Самые сообразительные из очевидцев этой сцены постарались утащить Вадика подальше от Конана, но Вадик, которому аффект придавал сил, стоял на месте, словно скала. Губами он производил такие движения, будто старался набрать во рту побольше слюны, чтобы плюнуть в соперника. Конан одумался первым – развернулся и молча ушел.

– Милые бранятся – только тешатся! – прокомментировал эту сцену циничный фельдшер Волгин и тут же получил подзатыльник от диспетчера Люси.

Люся любила печь, постоянно возилась с тестом, и потому руки у нее были сильными, а подзатыльники увесистыми.

Соперники не так уж и редко навевались к Вадиду на подстанцию. Всегда при этом происходили скандалы, и большей частью эти скандалы были очень громкими.

Один раз дошло до удара кардиографом по голове (Аптекарь ударил Вадика). Надежный аппарат отечественного производства не пострадал. Страшно подумать, что могло бы случиться с японским...

– Не понимаю я этих... – удивлялся простодушный водитель Витя Кузьмин. – Что за любовь такая? Ни семьи не создать, ни детей не завести... А страстей как у Отеллы с Джульеткой!

– Когда ни семьи, ни детей, остается только любовь... – говорили нечуткому Вите подстанционные дамы, мечтательно закатывая глаза. Вадиду они сочувствовали, как своей подруге, а старших фельдшеров с другой подстанции ненавидели, как подлых и коварных разлучников. Если вы люди, то отойдите в сторону и не мешайте чужому счастью, как-то так.

Но бывало и иначе. Так, например, на праздновании очередного юбилея московской станции «Скорой помощи» вся троица – Конан, Аптекарь и Вадик – премило общалась между собой в течение всего вечера. Боря на подобных мероприятиях держался отдельно от своих пассий – в директорском кругу. Круги разного уровня не пересекались друг с другом, подобно орбитам спутников Сатурна. Каждому – свой шесток.

По правде говоря, всем нам, сотрудникам Энской героической трижды краснокрестовой подстанции, на которой работал Вадик, от этой любви-моркови было одно только расстройство. Не в смысле сострадательных переживаний, а в смысле постоянного беспокойства, потому что к Вадику приезжали не только соперники-злыдни, но и душка-директор. Если на других подстанциях своего региона директор появлялся в среднем раз в месяц, не считая каких-то чрезвычайных случаев, то к нам он, в те периоды, когда Вадик был в фаворе, навещался едва ли не в каждое Вадиково дежурство, то есть через двое суток на третьи (Вадик работал на полторы ставки). Ладно бы еще, если все заканчивалось бы вздохами-поцелуями. Так он же еще и начальственную сущность свою проявлял – лез кругом с проверками, чтобы оправдать очередное свое появление на нашей подстанции. А от проверки до выговора как от одного поцелуя до другого... Да и вообще, присутствие верховного начальства на подстанции раздражает невероятно. Самим фактом своего присутствия. Потому что от начальства ничего хорошего ждать не приходится. Никогда не было так, чтобы директор региона взял у диспетчера карту вызова, только что сданную бригадой, прочел и сказал: «Ай, молодцы! Ах, как хорошо и как быстро полечили гражданку Иванову Иваниду Ивановну от гипертонического криза! И актив⁷ в поликлинику передать не забыли! Надо им премию выдать в размере трех месячных окладов!» Теоретически такое допустить можно, поскольку теоретически практически все можно допустить, но на деле всегда бывает иначе: «Да разве можно так небрежно карты заполнять?! Почему проведенное лечение не соответствует поставленному диагнозу?! Ваша бригада вообще мыслить умеет?! И где отметка об активе, переданном в поликлинику?! За такую карту – выговор! Строгий! Немедленно!»

Все мы обрадовались (что уж греха таить), когда в один злосчастный для себя день Вадик решил сделать «ход конем» и написал заявление о переводе на ту подстанцию, которой руководил директор региона. Видимо, он рассудил, что чем ближе будет находиться к Боре, тем их любовь крепче.

– Одумайся! – уговаривала его диспетчер Люся, искренне расстраивавшаяся по поводу предстоящего перехода Вадика. – Оставайся у нас! Сожрут эти гады (в смысле – Конан и Аптекарь) тебя и не подавятся.

Вадик упрямо тряс своими умопомрачительными кудряшками, которые были предметом зависти всех женщин на подстанции (включая и заведующую Нину Павловну), и говорил:

– Не сожрут! Подавятся!

Вадика сожрали еще до перехода на головную подстанцию, в момент отработки двух положенных недель на нашей героической, трижды краснокрестовой. Оно и правильно, ведь умные стратеги уничтожают врага вдали от собственных позиций. На головной подстанции Вадик был бы всегда начеку, как Штирлиц, просчитывал бы каждый свой шаг, взвешивал бы каждое слово. На нашей же, «родной и любимой», он никакого подвоха не ожидал. А должен был ожидать с того самого момента, как написал заявление о переводе. Декларация намерений – сигнал к уничтожению, разве не так?

Будучи грамотным, умелым и амбициозным фельдшером, Вадик большей частью работал в фельдшерской бригаде. В одиночку или старшим из двух фельдшеров. В предпоследнее дежурство Вадика на нашей подстанции его машину при возвращении с вызова возле

⁷ «Актив» – сокращенное название активного вызова, то есть такого, который делают не пациент или его родственники, а медицинские работники.

ворот остановил линейный контроль (не департаментовский, а свой, скоропомощной) и подверг такой дотошной проверке, которая вызвала у Вадика истерику. Судя по всему, его намеренно спровоцировали на грубость, которая была истолкована как неподчинение требованиям линейного контроля и в совокупности с выявленными нарушениями (свинья, как известно, всегда грязь найдет) потянула на увольнение по статье. Ни для кого на подстанции не было секретом (в былые времена, возможно, сейчас все иначе), что линейный контроль можно целенаправленно натравить на определенного человека. Все дело в цене вопроса и личных связях...

– Как же так?! – сокрушалась наутро заведующая подстанцией. – Вадик! Они в акте такого понаписали! Что делать?!

Ее стенания следовало понимать так: «Вадик, срочно проси Бориса Батьковича вмешаться и уладить дело миром, то есть без увольнения». Но Вадика, что называется, «замкнуло». По каким-то причинам он не захотел обращаться к своему любовнику и покровителю. Возможно, по каким-то своим каналам узнал, что Боря приложил руку к случившейся несправедливости или же просто не стал ей препятствовать. Или же ждал, что Боря сам вмешается и все уладит.

Боря ничего не уладил.

Вадик попытался уйти по собственному желанию, но его с треском выперли по статье. И сказали на прощанье: «Ближе сто первого километра ты хрен на работу устроишься». Если кто не в курсе, то «сто первый километр» – это неофициальный советский термин, обозначающий способ ограничения в правах, применявшийся к отдельным категориям граждан, которым запрещалось селиться в пределах 100-километровой зоны вокруг Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик и ряда крупных городов. Высылали на сто первый километр тунеядцев, проституток, не очень активных диссидентов... В переводе на современный язык упоминание сто первого километра означало, что Вадика не дадут устроиться на работу и спокойно работать не только в Москве, но и в Московской области. Чисто из вредности. Большей частью же при приеме на работу принято звонить на прежнее место и наводить справки. Вадика светили крайне паршивые рекомендации. А ведь у фельдшера не так уж и много вариантов трудоустройства. По сути дела, или «Скорая помощь» или какой-нибудь здравпункт. Или же опускаться на ступеньку ниже и идти работать медбратом.

Вадик плюнул на медицину и ушел работать массажистом в какие-то бани, благо соответствующие «корочки» и навыки у него имелись. Спустя полгода после увольнения он появился на подстанции, привез два торта, рассказал, что все у него хорошо, и исчез теперь уже навсегда.

Директор Боря примерно через год после увольнения Вадика внезапно уволился со «Скорой» и устроился на работу в одну крупную медицинскую страховую компанию, начальником отдела или кем-то в этом роде. Сам он ссылаясь на пошатнувшееся здоровье, которое не позволяло ему оставаться на столь нервной работе, как руководство региональным объединением, но злые языки поговаривали, что Боря уволился не столько по медицинским, сколько по юридическим показаниям – почувствовал, что его вскорости «возьмут за жабры» за многочисленные финансовые нарушения, и поспешил слинять. Видимо, злые языки были правы, поскольку вскоре после Бориного ухода региональное объединение замучили проверками, но отдуваться за все грехи пришлось уже новому директору региона.

Конан уволился следом за заведующим-директором и устроился на работу в МЧС, в один из спасательных отрядов. Он серьезно занимался альпинизмом и дайвингом, так что приняли его с распростертыми объятиями. Аптекарь же перешел на другую подстанцию, находившуюся на противоположном конце Москвы, но уже не в качестве старшего фельдшера по АХ, а просто старшего фельдшера, то есть немного поднялся по карьерной лестнице. Но долго на новой должности не удержался, поскольку никаких организационных навыков не имел и ушел работать медицинским представителем (коммивояжером) в одну индийскую фармацевтиче-

скую компанию. Медицинское представительство – это та ниша, куда попадают все медики, которым больше некуда идти. Были бы ноги да язык, а все остальное неважно.

Волшебная сила искусства

Кардиолог Смирнов был женат на актрисе. Не на этуали первого порядка, но на довольно востребованной в сериалах и узнаваемой повсюду. Смирнов очень любил свою жену. С учетом того, что он постоянно дежурил, а она постоянно была на съемках (чаще всего в Минске – там снимать гораздо дешевле), семь лет супружества не притупили остроту впечатлений. Достаточно было услышать, как Смирнов разговаривает с женой по телефону, чтобы понять – это таки любовь. Настоящая.

– Лизонька!.. Как ты?! Как съемки?.. Все хорошо?.. Ну тебе же все всегда удается сразу, потому что ты талантливая!.. А что голос такой хриплый?.. Ты не простудилась?.. Знаешь, у меня в Минске бывший однокурсник работает, доцент на кафедре ЛОР. Я сейчас позвоню и договорюсь, чтобы он тебя проконсультировал! Со связками шутки плохи, особенно в твоей профессии... Скажи, милая, а ты не можешь выкроить пару деньков для того, чтобы наведаться в Москву? Я та-а-ак по тебе соскучился, моя зайныка...

И так далее, и тому подобное.

Слышать, как воркует с женой по телефону доктор Смирнов, было очень удивительно, ибо воркование совершенно не увязывалось с его обликом. Хагрида все видели? Слегка причешите его, оденьте в белый халат, и у вас получится доктор Смирнов. А для тех, кто не видел Хагрида, – описание внешности Смирнова. Двухметровый рост, косая сажень в плечах, длинные, вечно лохматые волосы, разбойничья борода, огромные руки, низкий «диаконский» бас. «Диаконский» потому, что в старину таким мощным голосом, от которого дрожали стекла и гасли свечи, отличались диаконы. И вот стоит такая громада и басит в телефон: «Ах, ты моя зайныка... Ах ты моя кисанька...» Смешно! Прикольно! И очень трогательно.

Но смеяться надо было втихаря. Характер у Смирнова был добрый и покладистый, как у многих брутальных здоровяков, он спокойно реагировал на шуточки-подначки коллег, но только в том случае, если эти шуточки касались его самого. Жена Смирнова была священна и неприкосновенна. Попробуй тронь... Однажды больничный ослик (в слове нет опечатки, это новое слово, созданное мною из «осла» и «остряка») доктор Кочергин сказал Смирнову, что его жена «милая, но звезд с неба не хватает». Смирнов молча и сразу разбил Кочергину нос. Ожидать от добродушного интеллигентного Смирнова рукоприкладства, да еще и столь эффективного в своей результативности, было невозможно. Для сравнения – это все равно что увидеть Гитлера, покрытого талесом, на субботней молитве в синагоге. Теоретически допустимо, но практически быть такого не может. Главный врач поверил в то, что Смирнов мог ударить человека (да еще и коллегу!) только после того, как Смирнов сам это подтвердил – было такое дело, и еще будет с каждым в случае повторения подобных высказываний.

Повторения, разумеется, не было. Смирнов, ходивший до рукоприкладства у медсестер просто в любимцах, превратился в их кумира. Ах, какой мужчина, кто бы мог подумать...

Иногда жена приезжала к Смирнову на работу. Нет, не для того, чтобы привезти ему свежесваренного борща или свежеиспеченных пирожков, а потому что вечно теряла ключи. Надо было видеть картину их встречи... Увидев жену, Смирнов начинал светиться, будто стоваттная лампочка, устремлялся ей навстречу, не знал, куда усадить, и то и дело восклицал:

– Надо же, Лизонька! Какая радость! А мне сегодня та-а-акой вкусный тортик принесли...

И так далее, и тому подобное.

– Миша! Какие тортики! – томно упрекала жена, вечно сидевшая на диете. – Ты мне еще шоколаду предложи!

– Да! Конечно! Прости, Лизонька! – волновался Смирнов. – У меня яблочки есть! Вкусные! Сейчас принесу!..

Когда жена уходила (а надолго она никогда не задерживалась), Смирнов провожал ее до больничных ворот. Шел по терапевтическому корпусу, а затем – по больничной территории сияющий, радостный. Жену нежно придерживал своей лапищей под острый локоток. Если на пути попадалась лужа, то без слов подхватывал жену на руки и переносил через нее. Уходящей долго махал рукой вслед. Впору было подумать, что в следующий раз они встретятся через много лет, а не через несколько часов. Картина по Вознесенскому: «Я тебя никогда не забуду, я тебя никогда не увижу». Трогательно до невозможности.

О показе очередного сериала с участием жены Смирнов извещал коллег как минимум за неделю. А с началом показа каждое утро искательно заглядывал всем в глаза – ну как? Понравилось? Каждую похвалу в адрес жены, даже самую скупую, Смирнов воспринимал как дар небесный – сиял, расплывался в улыбке и проникался приязнью к похвалившему. Зная эту смирновскую слабость, коллеги частенько ею пользовались в корыстных целях. Надо, к примеру, кому-то из кардиологов обменять новогоднее дежурство на обычное будничное, декабрьское или январское. Вообще-то, нулевой вариант, никаких шансов. Но если подкатиться к Смирнову и начать разговор с того, что Елизавета Александровна в последнем сериале сыграла блестяще, то можно считать, что дело в шляпе. Смирнов, вне всякого сомнения, пойдет навстречу человеку, разбирающемуся в искусстве. Просто не может не пойти.

Единственным днем в году, когда Смирнова нельзя было заставить дежурить, был день рождения его жены. Такой праздник – это святое! А если жена находилась в отъезде, Смирнов брал три дня за свой счет и мчался к ней на крыльях любви. Администрация всегда шла ему навстречу, потому что другого выхода у нее не было. Не дашь ему эти три дня, так он просто прогуляет... Махнет на все рукой и уедет к своей Лизоньке. Лучше уж уступить, опять же – у людей та-а-кая любовь.

Любовь была взаимной, не подумайте, что жена Смирнова, подобно Ольге Книппер-Чеховой и многим другим актрисам, всего лишь позволяла супругу обожать себя. Нет, она его тоже любила. Однажды зимним вечером Смирнов получил на дежурстве сотрясение мозга. Возвращался после консультации из соседнего хирургического корпуса не по галерее, а по улице (решил немного освежиться холодным воздухом), поскользнулся, ударился головой о край скамейки так, что ненадолго потерял сознание. Произошло это возле терапевтического корпуса, кто-то из медсестер увидел падение из окна, и потому помощь Смирнову была оказана немедленно – отвезли в приемное отделение, сделали рентген, госпитализировали в неврологическое отделение, начали лечить... Смирнов порывался встать и продолжить свое дежурство, но ему этого сделать не дали, уговорили полежать хотя бы до прихода заведующего отделением, понаблюдаться несколько часов, а то мало ли что.

Вся эта катавасия нарушила установленный ритуал. Смирнов непременно звонил жене с дежурства поздно вечером, интересовался делами, сообщал, что у него все хорошо, и желал спокойной ночи. А тут вдруг не позвонил... Жена встревожилась и позвонила сама на сестринский пост. Ей очень мягко и бережно объяснили: «Ничего страшного, просто голова у доктора закружилась от переутомления, вот его и положили отдохнуть до утра в неврологию. Отдельная палата, тишина, покой... Все хорошо».

Хорошо?! Покой?! Жена немедленно примчалась в больницу, самоотверженно прорвалась через все кордоны и заслоны в палату к Смирнову, уселась возле него и заявила, что никуда не уйдет. Так и просидела до полудня. В полдень, убедившись в том, что ничего опасного у Смирнова нет, его отпустили домой.

Насчет «самоотверженно прорвалась» – это не ошибка, не опечатка и не преувеличение. Представься она охране на воротах и на входе в корпус как жена доктора Смирнова, ее бы пропустили без слов, да еще бы и до отделения проводили. Но она, пребывая в смятении чувств, начинала общение с фразы: «У меня мужа госпитализировали в неврологию, мне нужно к нему!» Ага, нужно! Среди ночи. Вот ее и пытались остановить. Пытались, да не смогли.

– Да если б я мог надеяться на то, что ко мне вот так жена прилетит, если со мной что случится, то я, может, на каждом дежурстве бы падал... – тихо завидовал доктор Кочергин, предварительно убедившись в том, что Смирнова нет рядом.

– Ты и так падаешь чуть ли не на каждом дежурстве! – отвечали ему коллеги, прозрачно намекая на чрезмерное пристрастие Кочергина к выпивке.

С людьми, заслуживающими доверия и хорошо разбирающимися в искусстве, доктор Смирнов делился сокровенным:

– Эх, если бы я только мог! – сокрушался он. – Если бы я мог написать сценарий, достойный Лизочкиного таланта, и снять по нему фильм так, чтобы показать ее талант во всей красе... Ей в большом кино блистать надо. Сериалы – это, конечно, хорошо, но Лизочка заслуживает большего. Но нужен хороший сценарий и талантливый режиссер...

В кино всегда так – недостает хорошего сценария или талантливого режиссера или и того и другого. А то бы... Впрочем, давайте не будем отвлекаться от темы.

Известие о разводе Смирнова прозвучало в больнице как гром среди ясного неба. Сам Смирнов об этом не рассказывал, но народ быстро приметил, что он перестал вдруг регулярно ворковать по телефону, и осторожно поинтересовался: в чем дело?

– Дело житейское, – лаконично отвечал Смирнов. – Разводимся мы.

– Изменила? – понимающе спрашивали пессимисты, на всякий случай прикрывая носы руками.

– Ты это, не поддавайся, – советовали оптимисты. – Потяни время. Мало ли что в жизни бывает. Не соглашайся на развод, уговори ее подождать. Время все лечит.

– Как я могу не соглашаться, если сам на развод и подал? – удивлялся Смирнов. – Это она меня уговаривает подождать, не торопиться, но после того, что случилось, между нами все кончено!

«После того, что случилось, между нами все кончено» явственно и однозначно намекало на измену. Всем известно, какие у этой богемы свободные нравы. Народ некоторое время пребывал в этом заблуждении. Как-то раз медсестра Юля Горина, давно и тайно влюбленная в Смирнова, не выдержала и сказала ему во время совместного дежурства:

– Да если бы вы были моим мужем, я ни на кого бы больше не взглянула! Удивляюсь, как она могла!

– Да Елизавета (Лизонька-Лизочка уже стала Елизаветой) ни на кого другого не смотрела, – ответил Смирнов. – У нее потому и карьера застопорилась, что она через постель ее не делала и вообще ничего лишнего себе не позволяла. Мы с ней сразу договорились, еще перед свадьбой, что обманывать друг друга не станем. Если возникнут какие-то чувства на стороне, то говорим о них прямо и расстаемся. При отсутствии любви и взаимного доверия совместная жизнь не имеет смысла.

– Так почему же вы подали на развод? – рискнула спросить Юля.

А теперь ненадолго отвлекитесь от чтения и придумайте причину, по которой доктор Смирнов мог подать на развод.

Придумали? Хорошо, читайте дальше.

Жена Смирнова в очередном сериале сыграла врача (уже не помню, какой именно специальности, но это неважно). Важно то, что сыграла она роль недостоверно с врачебной точки зрения. Это обычное дело, потому что кино есть кино и многое в нем представляется не совсем так, как в жизни. К тому же к доктору Хаусу у любого врача дюжина претензий найдется – и то не так, и это не этак. А с другой стороны, если снять «все как в жизни», то в результате получится не художественный фильм, а профессионально-специальное учебное пособие, которое широкой публике будет совершенно неинтересно.

Вот вам пример для наглядности. Одна и та же сцена в двух вариантах.

Вариант первый. Возле лежащего на койке пациента стоят четыре человека в белых халатах и что-то быстро делают, что именно – непонятно, потому что их спины заслоняют обзор, да и руки мешают. Слышны отрывистые фразы:

- Маша, «тройник»!
- Вера, кубик адреналина на двести пятьдесят глюкозы!
- Руку поддержи!
- Зачастил!
- Маша, подтяни «стукалку» на всякий.
- Боюсь, свернется.
- Не дадим!

Долго ли вы станете смотреть такую скучную и непонятную муру? Навряд ли. А ведь это – как в жизни бывает.

Вариант второй. Возле лежащего на койке пациента стоит один человек в белом халате. Он щупает пульс на руке пациента и сосредоточенно глядит на монитор, который висит над койкой.

Подходит второй человек в белом халате и останавливается сбоку, так, чтобы не заслонять обзора.

ВТОРОЙ. Что, совсем плохи дела?

ПЕРВЫЙ. Да, хорошего мало. Боюсь, как бы не произошло внутрисосудистого свертывания крови.

ВТОРОЙ. Возможно.

ПЕРВЫЙ. Тут главное – успеть. *(Вздыхает.)*

ВТОРОЙ *(сочувственно)*. Никак не можешь забыть тот случай? Брось, не казни себя. Ты сделал все возможное...

ПЕРВЫЙ. Если бы я сделал все возможное, человек был бы жив...

ВТОРОЙ. Юра, мы не боги!

ПЕРВЫЙ *(многозначительно)*. Мы не боги, но мы врачи!

Монитор начинает пронзительно пищать. По нему тянется ровная линия.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Остановка! У нас остановка!

ПЕРВЫЙ. Маша, давай дефибрилятор!..

Второй вариант гораздо интереснее в плане просмотра, верно? И гораздо информативнее. Не только ясно, что у пациента дела плохи, но и характеры обоих врачей обозначены, драматический накал начал проявляться... Все так, только покажите эту сцену врачам, и они скажут: «Что за хрень?» И будут абсолютно правы.

Но вернемся к Смирнову.

Смирнова глубоко оскорбило то, что его обожаемая и невероятно талантливая Лизонька сыграла врача «не так, как в жизни».

– Если ты после стольких лет жизни со мной не можешь нормально сыграть врача, значит ты совершенно не интересуешься ни моей работой, ни мной! – сказал он. – Примириться с подобным равнодушием невозможно. Я развожусь!

И развелся. Мужик сказал – мужик сделал.

Долго, с полгода, ходил печальный, но затем повеселел и стал прежним жизнерадостным оптимистом, желанным гостем на всех больничных тусовках. А то – такой завидный жених! Добрый, симпатичный, без вредных привычек, с двухкомнатной квартирой и хорошей машиной... А самое главное, это ж так приятно небрежно обронить в обществе «Мой муж раньше был женат на актрисе Елизавете ***». Понимать следует так: «Он предпочел меня ей». Красота!

Так что долго в холостяках Смирнов не проходил. Спустя год после развода он женился на невропатологе Ветлугиной. Она, конечно, не актриса, но, если что, врача может изобразить достоверно. Хоть на сцене, хоть на съемочной площадке.

Психопат

Доктор Зелинский считался на подстанции знающим и ответственным врачом, а также кристально честным человеком.

Надо сказать, что на подстанциях «Скорой помощи», где люди сутками на виду друг у друга, характеры проявляются и оцениваются очень быстро и крайне точно.

Зелинский не позволял себе никаких «шалостей», ни крупных, вроде очистки карманов пациентов, находящихся в бессознательном состоянии, ни мелких, таких, например, как тайное поглощение чужой еды, оставленной в подстанционном холодильнике, или питья чужих соков. Правда, из водителей он пил кровь по полной программе, требуя четкого и неукоснительного исполнения ими должностных обязанностей, но это другое дело.

Более того – если кто-то из сопровождающих пациента при госпитализации забывал в машине сумочку или борсетку, Зелинский не передавал находку диспетчеру подстанции, а отвозил ее по назначению сам, после смены. Предварительно составлял опись содержимого, подписанную фельдшером и водителем. Во избежание кривотолков. Ему говорили: «Да позвони и скажи, что сумка в диспетчерской, пускай приходят и забирают». «У людей беда, родственника госпитализировали, некогда им по подстанциям бегать, – отвечал гуманный Зелинский. – Лучше я сам завезу, мне не трудно».

А еще Зелинский был психопат. В том смысле, что если уж овладевала им какая-нибудь идея, то овладевала всецело и яростно. Например, невзлюбит водителя (за дело, исключительно за дело, по веским причинам), так не успокоится, пока не выживет его с подстанции к чертям собачьим. Вообще-то, многие врачи и фельдшеры предпочитают не связываться с водителями, а ладить с ними. По ряду причин. Во-первых, водители в основной своей массе брутальны и не склонны к интеллигентному ведению дискуссий, чуть что – срываются на мат, а то и кулаки в ход пустить могут. Во-вторых, при обострении противоречий между водителем и врачом или фельдшером водитель может причинить оппоненту больше неудобств, чем оппонент ему. Откажется подъезжать близко к подъезду («потом оттуда не выеду») и вынудит бригаду топтать сто метров по снегу и льду. Или же не притормозит около киоска с едой («не положено»). Или возить станет так, что все кости растрясет... Машина для бригады – дом родной, а хозяин в этом доме – водитель. Так что делайте выводы.

Но Зелинского подобные соображения не останавливали. Не понравилось Зелинскому, что водитель Аникин не подчиняется его распоряжениям, а заставляет себя уговаривать, всякий раз какие-то поблажки выторговывает, так он Аникину прямо сказал:

– Мы с тобой на одной подстанции работать не можем.

– Так вали на другую! – осклабился Аникин, уверенный в том, что уж ему-то самому никому валить не придется.

Аникин был бригадиром водителей, а бригадирами обычно назначают самых стойких (и самых наглых).

– Николай Иванович, вас надо спасти от Аникина? – спросила заведующая подстанцией, узнав о конфликте.

«Спасать» означало «не ставить работать вместе». Всегда «спасали» врачей или фельдшеров от водителей, а не наоборот.

– Нет, не надо! – отказался Зелинский. – Мечтаю работать исключительно вместе с Аникиным и больше ни с кем!

Аникин выдержал пять «образцово-воспитательных» смен и свалил на другую подстанцию.

– Ну ты монстр! – восхищались коллеги. – Самого Аникина «съел».

– А наглеть не надо, – скромно отвечал Зелинский.

Как-то раз Зелинский не смог с первой попытки заинтубировать⁸ пациента с короткой толстой шеей. Это очень сложно, даже очень опытные анестезиологи-реаниматологи в стационарных условиях, то есть, при всех удобствах, не всегда ставят трубки с первой же попытки. А Зелинский производил интубацию в машине, скрючившись, в тесноте и при не самом лучшем освещении. И работал он в ту смену один, без фельдшера, умотался вконец, а усталость – она на все влияет. Поэтому в некоторых странах врачам запрещено работать дольше двенадцати часов подряд.

Но Зелинский не искал себе оправданий. Для него, перфекциониста в квадрате, было важно только то, что он, доктор Зелинский, не смог произвести интубацию с первой попытки. Все прочее не имело значения. Целых два месяца после смены Зелинский отправлялся не домой отсыпаться, а в морг ближайшей больницы – тренироваться на трупах. Натренировался так, что равных ему в деле интубации не было на всей московской «Скорой помощи». Народ шутил: «Зелинскому хоть на живот пациента положи – заинтубирует в лучшем виде». (Для тех, кто не в курсе, поясню, что человека, который лежит на животе, заинтубировать невозможно, это все равно что сделать укол в ягодицу лежащему на спине.)

Как-то раз, в конце суточного дежурства, Зелинский ощутил одышку при быстром подъеме на восьмой этаж. Странно было бы, если бы ее не было. Бегом, уставший, на восьмой, да еще и с грузом – кардиографом и портативным аппаратом ИВЛ. Но Зелинский решил, что он теряет форму, и начал бегать по утрам. Двадцать кругов по школьному стадиону, благо тот был рядом с домом, и затем еще двадцать раз бегом на девятый этаж и обратно. Он бы и на шестнадцатый бегал бы, да вот незадача – жил в девятиэтажке. По этажам скакал не налегке, а с двумя полными пятилитровыми канистрами в руках.

Умение правильно организовать работу бригады, стремление к повышению собственного профессионализма и забота о своем здоровье похвальны и приветствуются. Только вот ко всему похвальному у Зелинского примешивалась некая яростная ожесточенность, этакая героическая упертость, этакая самоотверженная негибкость. В иных условиях из него бы, наверное, получился бы спортсмен-чемпион или герой войны. А в реальности Зелинский получил срок за кражу.

Дело было так.

Однажды у жены Зелинского украли кошелек. На вещевом рынке в Выхине, в тот момент, когда она выбирала себе дубленку. Сумма была крупной, потому что кроме дубленки несчастная женщина хотела купить шапку и сапоги. В первой половине 90-х врачебно-учительским семьям на такие покупки приходилось копить долго, месяцами. Да и вообще на любое обзаведение приходилось копить, поскольку самый паршивый китайский пуховик стоил больше, чем месячная зарплата врача или учительницы (жена Зелинского преподавала в школе географию).

Жена, ясное дело, сильно расстроилась: такая потеря и такой облом. Нашла, наконец, подходящую дубленку, которая сидела на ней как влитая, сбила цену, полезла за деньгами, а в сумочке – дыра. По уму-то, собираясь на такое стремное место, как вещевой рынок, кошелек надо было не в сумку класть, а куда поглубже прятать, но жена Зелинского в таких вопросах не разбиралась, это же не география.

Зелинского «замкнуло» – он разозлился на весь белый свет и решил, что раз так, раз уж жену его обокрали, то и он станет красть, чтобы возместить утраченное. Имеет полное право. Это ему знак судьбы – засунь ты, дружок, свою честность сам знаешь куда и живи как все! Хотя бы до тех пор, пока не возместишь потерю.

Не спрашивайте меня, как Зелинский пришел к такой идее, этого, кроме него, самого никто понять не мог. Сказано же – психопат. Опять же, в лихие девяностые сама обстановка

⁸ Интубация трахеи – введение специальной трубки в трахею с целью обеспечения проходимости дыхательных путей.

в стране толкала людей на скользкий путь. Да и мысль «до тех пор, пока не возьму потерю» была для честного человека чем-то вроде спасательного круга.

О том, что он временно сворачивает с честного пути, Зелинский во всеуслышание объявил на подстанции. Рассказал утром в диспетчерской о случившемся и о том, что жена проплакала всю ночь, и заявил под конец:

– Я никогда не узнаю, кто это сделал, но это не так уж и важно. Важно то, что я теперь стану поступать точно так же – хватать все, что идет в руки. Принципы в карман не положишь и на хлеб не намажешь!

Народ принял это как сказанное в сердцах и пытался Зелинского успокоить. Добрая диспетчер Горбунова даже попыталась устроить сбор денег в пользу Зелинского, но Зелинский категорически воспротивился. «Вы мне ничего не должны! – с пафосом заявил он коллегам. – Мне должны ОНИ. Вот пускай ОНИ и расплачиваются!»

И уехал на первый вызов.

Первый вызов оказался уличным «ложняком», на котором ничего не могло прийти в руки. Приехала бригада в указанное место, где на тротуаре должен был валяться мужчина без сознания, но никого там не нашла. То ли какой-то идиот решил пошутить таким гнусным образом, то ли мужчина успел прийти в сознание и ушел или уполз.

Кстати говоря, если первый вызов оказался ложным, то это весьма плохая примета. Значит все дежурство будет тяжелым, суетным, дерганным. Хуже только смерть на первом вызове. Если «потерял» первого пациента, то за дежурство еще кого-то «потеряешь», возможно, что и не одного...

На втором по счету вызове Зелинский украл золотое кольцо с камушком. Семидесятилетняя женщина, у которой на фоне повышения артериального давления развился приступ стенокардии, была дома одна. Кольцо лежало на трюмо. Там еще были какие-то побрякушки, но они выглядели непрезентабельно, и красть их не представляло смысла. Кольцо на их фоне выглядело как артист Хабенский в шеренге гастарбайтеров.

Моральное облегчение дало поведение пациентки, которая с порога начала возмущаться на тему «что же вы, паразиты этикие, так долго ехали меня спасать?!» и всяко-разно обзывать Зелинского и приехавшую с ним фельдшера Ларису. Вообще-то, на нападки пациентов и их родственников Зелинский никогда внимания не обращал – людям плохо, вот они и нервничают-скандалят, пускай не всегда по делу. Но на этот раз поведение пациентки было на руку Зелинскому. Если бы старуха с порога пригласила бы бригаду пройти на кухню, выпить горячего чаю и полакомится свежее испеченными пирожками (очень редко, но бывает, бывает такое!), то Зелинский навряд ли бы украл кольцо.

А тут вот не устоял.

Опыта в таких делах у Зелинского не было никакого, а ведь недаром еще древние римляне говорили: «*Usus est optimus magister*», то есть опыт – лучший учитель. Он неверно оценил обстановку и взял кольцо с трюмо в тот момент, когда фельдшер Лариса делала пациентке внутривенную инъекцию и заслоняла от нее Зелинского своей широкой спиной. Зелинский думал, что украл кольцо незаметно, но пациентка заметила, потому что трюмо было не простым трюмо с одним зеркалом, а трельяжем с тремя зеркалами, расположенными под углом друг к другу. И вот в отражениях этих зеркал пациентке все было видно.

Пациентка повела себя очень умно, впору подумать, что ее не в первый раз обкрадывала бригада «Скорой помощи». Сразу возмущаться не стала и вообще ничего не сказала, потому что побоялась выступить. Расклад сил был не в ее пользу: одна больная женщина в почтенных годах против двоих молодых и здоровых. Чего доброго, отдупят при помощи какого-нибудь укола ироды этикие, с них станется. Но сразу же после убийства бригады старуха позвонила в милицию. «Так, мол, и так, только что врач «Скорой помощи» украл у меня золотое кольцо с бриллиантом».

Милиция отреагировала оперативно, несмотря на то что в те лихие времена дел у нее было выше крыши. Приехали к потерпевшей два сотрудника, взяли заявление, выяснили по телефону, какая именно бригада и откуда приезжала на вызов, и отправились на подстанцию раскрывать дело по горячим следам.

Зелинский как с утра уехал на уличный «ложняк», так и скакал с одного вызова на другой без заезда на подстанцию. Диспетчер Горбунова связала утренние заявления Зелинского с приходом двух оперативников, догадалась о том, что произошло что-то нехорошее, криминальное, и передала Зелинскому по рации следующее: «14-я бригада, возвращайтесь! К вам есть вопросы на подстанции». Больше ничего она сказать не могла, потому что оперативники сидели рядом, но Зелинскому этого хватило. Диспетчеры никогда не говорили «есть вопросы», а говорили просто «возвращайтесь!». Это означало, что вызовов сейчас нет, можно отдохнуть немного и пополнить ящик с медикаментами. А вот для оперативников фраза: «К вам есть вопросы на подстанции» прозвучала вполне невинно. Мало ли какие могут быть вопросы? Может, пациент пожаловался на то, что ему вместо клизмы промывание желудка устроили и сейчас бригаду ждет нахлобучка от заведующего подстанцией.

Зелинский все понял. Он сидел рядом с водителем, и вариантов, куда бы незаметно спрятать кольцо, у него было мало. Выбросить улику в окно он не мог – зима, открытие окна в мчащейся машине сразу же привлечет внимание других членов бригады. А вот сунуть за обивку двери – хороший вариант, тем более что обивка на старом «рафике» во многих местах отставала. Так Зелинский и сделал. Водитель ничего не заметил, сидевшая в салоне Лариса тем более.

На подстанции бригаду прямо у машины встретили оперативники. Ничего не объясняя, всех усадили в оперативную машину, причем на Зелинского надели «браслеты». Один оперативник повез задержанных в отделение, а другой сел за руль скоромощного автомобиля и поехал следом. Адвокат Зелинского потом говорил, что если бы не чистосердечное признание его клиента, то он бы на одном этом обстоятельстве разбил бы обвинение вдребезги – обыскивать машину надо было сразу на подстанции и в присутствии понятых. А так мало ли что оперативник мог спрятать в машине, пока был там один. Может, это он сам кольцо украл, а свалил все на Зелинского...

В отделении первым делом обыскали всех членов бригады и машину. При понятых, в любом отделении всегда найдутся кандидаты в понятые. Ничего не нашли – поди-ка догадайся, что кольцо за обивкой дверцы. А так вообще искали весьма старательно, даже кардиограф разобрали. Водитель и фельдшер были в прострации: «Да как вы можете думать о нас такое?!», а Зелинский эту самую «прострацию» искусно разыгрывал и твердил любимую фразочку незабвенного Софрона Ложкина из «Дела «пестрых»: «Вещей нет, кражи нет».

Вот эта самая фразочка, намекающая на значительный криминальный опыт, оперативников и насторожила. «Очень уж ушлый доктор попался», – подумали они. Оперативники не могли знать, что вся «ушлость» Зелинского ограничивалась любовью к качественным советским детективам, не более того.

Поняв, что кнутом (образно, сугубо образно – Зелинского в отделении не били) им ничего добиться не удастся, оперативники пошли на хитрость и показали Зелинскому условный «пряник».

– У нас тут труп на улице третий час лежит, нас дожидается, а мы с тобой возимся из-за какого-то с...го кольца! – сказал Зелинскому тот, что был постарше. – Пойми, доктор, что нам этот геморрой не нужен, а тебе – тем более. Но остается старуха, у которой ты кольцо украл, а оно ей от ее прабабки досталось. Это память о человеке, а не просто цацка-бирюлька. Старуха не успокоится, пока его обратно не получит, будет жалобы писать во все инстанции и на тебя, и на нас. Так что разумнее будет решить дело миром. Предлагаю следующее. Я сейчас на твоих глазах рву заявление потерпевшей и все протоколы, касающиеся твоего дела, после чего ты

отдаешь мне кольцо, чтобы я вернул его потерпевшей. И все мы расстаемся довольными и счастливыми. Я еду возвращать кольцо потерпевшей, а ты со своими подельниками топаешь домой.

И ведь не обманул – порвал на глазах у Зелинского какие-то бумажки. После этого Зелинский в сопровождении группы товарищей, среди которых было и двое понятых, прошел к стоящей во дворе машине, извлек из-за обивки украденное кольцо и передал его старшему оперативнику.

– Молодец! – похвалил оперативник и спросил: – Как оформлять будем? Раз уж ты пошел нам навстречу, то и я собачиться не стану. Оформлю как добровольную выдачу, улавливаешь разницу? Суд это учтет.

– Зачем оформлять?! – удивился Зелинский. – Какой суд?! Вы же сказали: «Отдашь кольцо и иди домой».

– Такой большой, – усмехнулся оперативник, – воровать научился, а в сказки все еще веришь. Это суд будет решать, куда тебе идти, домой или на зону...

Домой Зелинский вернулся через два года. Кольцо оказалось старинным, дорогим, да и на суде он вел себя вызывающе. Оперативников назвал «аферистами», следователя «дебилом», а судье посоветовал «не раздувать щеки, а пошевелить мозгами». Вел бы себя хорошо, получил бы условно – как-никак первая кража, добровольная выдача, хорошая характеристика с места работы, да и адвоката ему жена наняла хорошего. Но вышло так, как вышло – дорога дальняя, казенный дом.

Жена Зелинского проявила качества, совершенно несвойственные человеку, незнакомому с пенитенциарной системой (видимо, советчик ей попался сведущий). Договорилась о том, чтобы Зелинского отправили в близкую к Москве колонию, съездила туда вперед мужа и договорилась насчет того, чтобы его назначили в медчасть санитаром (блатное место!) и вообще чтобы не гнобили. Везла передачи, «грела» начальство, продала все, что только можно было продать, и влезла в долги по самую макушку, но устроила так, что Зелинский сидел с относительным комфортом (насколько это вообще возможно в колонии для простого «мужика») и освободился досрочно. Чувствовала себя виноватой в случившемся – надо было кошелек спрятать получше и не надо было так убиваться по поводу этих треклятых денег. На фоне последующих затрат украденные деньги выглядели мелочью, сущими копейками.

Первое, что сделал Зелинский по возвращении домой, так это подал на развод.

– Я не могу жить с тобой, – сказал он жене, опешившей от такого поступка (ждала, поддерживала-помогала, столько сил и средств потратила – и на тебе!). – Стоит мне на тебя посмотреть, как я сразу же вспоминаю все, что произошло. Ни тебе, ни мне ничего хорошего от этого не будет, так что давай расстанемся по-хорошему.

Обратно на московскую «Скорую» Зелинского не взяли. Заместитель главного врача по кадрам Сестричкин (тот еще фрукт, штучный) устроил в своем кабинете целое шоу в шекспировском духе.

– Да как вы могли подумать, что мы возьмем на работу человека, который обокрал беззащитную пациентку?! Да вас вообще диплома лишить надо! Да вы вообще мерзавец и вдобавок бесстыжий, раз имеете наглость проситься обратно! – негодовал Сестричкин, раздувая впалые щеки.

Зона научила Зелинского сдержанности, а то бы он заработал в кабинете Сестричкина новый срок за нанесение тяжких телесных повреждений. Зелинский ограничился смачным плювком на пол и громким хлопком дверью.

Устроился он на «Скорую» в одном из подмосковных городов, где была большая нехватка в кадрах. Платили там меньше, чем в Москве, но никто прошлым в глаза не тыкал, и работалось гораздо спокойнее. Вызовов меньше, «концы» короче, народ поспокойнее, чем в Москве. Сущая благодать! На новой работе он нашел новое счастье в лице одной из диспетчеров и со

временем сделал карьеру – стал старшим врачом. Судимость его к тому моменту была уже погашена.

Клиническая смерть

Доктор Токарев пострадал на вызове. Поскользнулся на ступеньках в темном подъезде, упал, приложился головой о какой-то выступ и собрался помирать.

И помер бы, кабы не героические усилия бригаденфельдшера Супниковой, каковая в одиночку, в условиях плохой видимости и недружелюбно-алкоголизированного окружения (дело было в рабочей общаге в субботнюю ночь) провела полный объем реанимационных мероприятий и таки вытянула Токарева с того света на этот. Но в состоянии клинической смерти он сколько-то пробыл.

Полтора месяца длилось лечение, затем Токарев вернулся на работу. Ему предлагали тихую «неразъездную» должность на Центре, но он отказался – скучно по телефону консультировать. Раз уж здоровье позволяет работать на линии, так надо работать на линии.

После клинической смерти, которая сопровождается кислородным голоданием головного мозга, с людьми случается разное. Может интеллект резко снизиться, психика может того-этого, в смысле – нарушиться, а у некоторых просто голова болит к перемене погоды. Каждому – свое.

Токарева пронесло: он сохранил интеллект, не приобрел психических расстройств, и голова у него не болела. Зато у других начали болеть головы, поскольку молчаливый тихоня Токарев превратился в говорливого, жизнерадостного и, что хуже всего, очень искреннего человека. Рубил правду-матку налево и направо, причем в этакой задушевно-доверительной форме...

«Игорек, я тебе как коллега коллеге скажу, что врач из тебя, как из фекалии боеприпас. Ты же за семь лет кардиограмму так и не научился читать, чудило...»

«Валечка, ну ты как ребенок. Неужели ты думаешь, что мужикам можно верить? Когда ты на сутках, твой муж ночью один спать не будет, найдет об кого бока погреть...»

«Лидия Ивановна, вот вы на каждой пятиминутке одно и то же говорите. Разве вам самой не надоело?»

«Толик, ты вместо того, чтобы на жизнь жаловаться, лучше бы пить бросил...»

И так далее. Причем говорил чистую правду, ничего не придумывал. Но правда, как известно, больнее всего глаза колет.

На вызовах Токарев тоже откровенничал. И с пациентами, и с их родственниками...

«А внучка-то у вас недобрая, по глазам видно, что она только одного и ждет – когда вы помрете и квартиру ей оставите...»

«Ну а что вы хотели при вашем диагнозе? Я вам сейчас объясню вашу ситуацию...»

Фельдшеру Супниковой, своей спасительнице, Токарев сказал, что для замужества бюста четвертого размера и однокомнатной квартиры мало, нужно иметь еще кое-какие качества, которых у нее нет и в помине. Супникова потом рыдала в курилке и говорила, что явно перестаралась с реанимацией Токарева, не нужно было так выкладываться.

Выражая волю трудящихся масс и пытаясь сберечь остатки своего авторитета, заведующая подстанцией попыталась избавиться от Токарева миром. Предложила ему перейти на Центр с повышением (обещала помочь всеми своими ресурсами), но Токарев отказался. Переводиться на другую подстанцию или по собственному уходить он тоже не захотел. Уволить по статье его было невозможно: работал на совесть, не пил на дежурстве, приходил на подстанцию за полчаса до начала смены, не грубил, не вымогал. Ангел!

Благие намерения заведующей обернулись сами понимаете чем. Токарев обиделся. Он столько лет проработал на подстанции, он ко всем относился по-товарищески, со всей душой, а от него хотят избавиться? Выживают ни за что ни про что? Как бы не так! А вот хрен вам! В

результате произошла трансформация добродушного жизнерадостного болтуна в активного и принципиального борца с недостатками, этакую Совесть Подстанции.

Токарев начал обличать недостатки и обличал их не только устно, но и письменно. Писал в департамент, в министерство, а когда отчаялся найти поддержку у медицинского начальства, то начал сливать информацию в газеты. Подстанция пару-тройку раз засветилась в газетной хронике, после чего заведующую сняли и... назначили на ее место Токарева.

А что такого? Опешившему Токареву так и сказали на Центре – руководить должны самые сознательные, а сознательнее вас на всей московской «Скорой» никого нет. А может, он и на всю Россию один такой уникален. Токарев проникся и принял руководство.

Прозаведовал он сорок один день и был уволен по статье. Заведующего подстанцией снять куда проще, чем выездного врача. Заведующий же не только за свои грехи отвечает, но и за чужие тоже. Кто-то умный в верхах (поговаривали, будто главный кадровик Сестричкин) придумал такой вот элегантный административный гамбит – пожертвовал заведующей, чтобы избавиться от Токарева.

Токарев ушел и будто в воду канул. Он был сильно обижен на всех коллег, ополчившихся на него без каких-либо причин, а коллеги тоже не горели желанием поддерживать знакомство. Обычно на «Скорой» людей, которые проработали более-менее длительное время, так же долго и помнят, но о Токареве все дружно поспешили забыть как можно скорее.

Осенью прошлого года во время прогулки я увидел знакомое лицо на стенде с фотографиями депутатов одного муниципального округа и порадовался за Токарева – человек на своем месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.